

УДК: 81'42:821.161.1'-3:316.48
DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»

Чжан Ди

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7—9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В речи персонажей художественных произведений, отражающих значимые экстралингвистические события, проявляются особенности исторического времени и пространства. Сложный период в послереволюционной России отмечен не только экономическими проблемами, но и языковыми, одна из которых связана со становлением новой системы обращений. Умение человека пользоваться обращениями при осуществлении коммуникации является свидетельством его сформированности как полноценного члена общества. В «Собачем сердце» М. Булгакова, повествующем о становлении неочеловека, дискурсивная весомость различных форм обращения очевидна: с одной стороны, они являются показателем социального расслоения общества, а с другой — акцентируют социально-идеологическое противостояние Преображенского и Швондера.

В статье рассматриваются обращения в речи главных персонажей повести, отмеченные высокой прагматической релевантностью и дискурсивной весомостью, акцентирующие показанный автором социальный конфликт новой власти и ее окружения — таких, как Шариков, Швондер и другие, «горделиво» пользующихся формой *товарищ* в ее новых смыслах ('равный', 'единомышленник'), и приверженцев старых ценностей — культуры, взаимоуважения, корректного и ровного отношения к людям и обращения к ним. Особое внимание уделяется употреблению форм обращения со словами *товарищ*, *гражданин*, *милостивый государь*, *господин* и реакции адресатов на данные формы обращения, свидетельствующие о взаимном неприятии норм этикета, характерных для представителей пролетариата и интеллигенции.

В условиях идейно-политического противостояния обращения способны не только характеризовать уровень культурного и интеллектуального развития, регулирующий выбор форм обращений с учетом разных критериев, но также указать место, занимаемое говорящим в системе социально-политической ориентации, выразить отношение к идейному оппоненту, они становятся одним из инструментов воздействия.

Ключевые слова: социально-политический дискурс, обращение, М. Булгаков, «Собачье сердце», социальный конфликт, господин, товарищ

ВВЕДЕНИЕ

Тема политического дискурса, весьма привлекательная и активно разрабатываемая в последнее время, охватывает самые разные векторы исследования, в числе которых можно назвать, например, выявление когнитивных аспектов политического дискурса [Шапочкин 2012] и его национальных особенностей [Методология 2000], анализ речевого поведения политиков [Алышева 2012, Асланова 2015, Паршина 2005], выявление дискурсивных стратегий и языковых средств в определенных типах дискурса [Якоба 2015], определение изменений в коммуникативной парадигме коллективного носителя языка как следствие из-

менений в общественно-политической жизни [Кормилицына 2008], специфика определенных подтипов политического дискурса — парламентских дебатов [Баранов 1991], партийного дискурса [Царьков 2009], аргументативной дискуссии на политические темы в прямом радиоэфире; концепты и их вербализация в политическом дискурсе [Бойко 2015] и т.д. Отдельное внимание уделяется языковому выражению политического дискурса — критериям отбора, семантическим и эмоционально-оценочным характеристикам используемой лексики и фразеологии, средствам выразительности и стилистического оформления [Даниленко 2011, Селиверстова 2012 и др.].

Дискурс в данной работе понимается как социальное явление — инструмент социального взаимодействия [Крапивкина 2017], как «воплощение социально-речевого опыта» [Тубалова 2015: 241], социальная деятельность в условиях реального мира [Макаров 2003], фиксируемая в письменных текстах и устной речи, осуществляемая в «определённом когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [Карасик 2004: 56]. Н.М. Перельгут и Е.Б. Сухоцкая, анализируя объем понятия «политический дискурс» и его структуру, предлагают включать в понятие дискурса контекст, или ситуацию общения, и язык, организованный в соответствии со структурами, присущими высказываниям в различных сферах социальной жизни» [Перельгут, Сухоцкая 2013: 15].

Если говорить о существовании политической формы общения, когда со сферой политики должна быть связана хотя бы одна из составляющих — будь то субъект, адресат или содержание сообщения, — выделенных А.Н. Барановым [Баранов 2003: 245—246], то анализируемый нами текст может вызвать некоторые сомнения: правомерно ли отнести его к текстам политического дискурса?

На наш взгляд, это вполне правомерно и вот по какой причине. Действительность, разворачиваемая писателем в произведении, живущие в ней герои и все происходящее с ними воспринимается читателями в осях координат «время—пространство», т.е. через хронотоп, который, по словам М.М. Бахтина, определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. «Хронотопическое начало литературных произведений способно <...> „выводить“ словесную ткань на образ бытия как целого, на картину мира» [Хализев 2000: 53].

В повести М. Булгакова «Собачье сердце» перед читателями предстает Москва первой половины 20-х годов XX века, город эпохи серьезного кризиса в России — экономического, социального, когда герои наблюдают постреволюционный уход привычного прежнего мира и вживаются в иное время, с его новшествами и трудностями. Вступление в сферу смыслов этого произведения возможно только через понимание особенностей жизни того времени — серьезных преобразований в разных сферах общественной жизни, недопонимание (во всяком случае — в сознании многих) силы новой власти и ее неустрашимости, как и невозможности возврата к прежнему — отношениям, системе ценностей, к прежней жизни.

Февральская и Октябрьская революция во многом послужили, как пишет М.И. Гаврилова, «поводом для объективной и всесторонней оценки исторического

развития русского политического дискурса», активного воздействия на носителей языка «политических слов» [Гаврилова 2017: 10]. Достаточно вспомнить повесть В. Зазубрина «Щепка» (1923), рассказы и роман Е. Замятина («Пещера», «Дракон», «Мы» и др.) и многих других писателей и поэтов, чтобы по реакции на них официальной власти понять, что художественное изображение политических событий может восприниматься в качестве «острой социально-политической сатиры и аллегории революционных преобразований в России», каковую увидели в повести «Собачье сердце» [Савина 2005].

Творчество М. Булгакова приходится именно на такой период, когда авторское слово оценивалось не столько по художественным достоинствам, сколько по степени лояльности к новой власти. Вина многих из творческих людей по отношению к советскому режиму состояла лишь в том, что они, «не били в казенный барабан», «не равнялись, очертя голову» (Ю. Анненков), а продолжали самостоятельно мыслить, не скрывали своих воззрений. Таким образом, в условиях постреволюционного террора люди, имевшие мнение, не совпадающее с официальным, как правило, оказывались в стане «врагов».

Так произошло и с М. Булгаковым, чья повесть «Собачье сердце» была охарактеризована одним из агентов ОГПУ, присутствовавшим при ее чтении автором, так: «вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Советскому строю тонах». Она намного «опаснее бесполезно-безвредных выступлений литераторов 101-го сорта на заседаниях „Всероссийского Союза Поэтов“» [Булгаковская энциклопедия]. М. Булгаков, таким образом, совершенно добросовестно исполнил свой «литературный (и он же — политический) портрет» [Савина 2005: 5], а повесть, воспринимавшаяся как памфлет, была опубликована в СССР только в 1987 году.

Смена власти и государственного строя в России в 1917 году повлекла за собой кардинальные изменения в общественно-политическом сознании. Участники коммуникации, представляющие разные социальные слои общества, оценивают происходящее с разных позиций и ведут себя в соответствии со своими привычками и традициями людей своего окружения. И хотя в основу повести положен не социально-политический конфликт, а конфликт естественного (природного) и рукотворного (очеловечивания в результате операции), противостояние пролетария Швондера и с ним нечеловека Шарикова (Чугункина) и интеллигента Преображенского можно рассматривать как полемику со сторонниками идеи «нового человека», сознательного гражданина, способного управлять советским государством, и т.п.

Языковая и мыслительно-речевая деятельность, характерная для определенного периода, содержит «лингвистически значимые дифференциальные признаки речевого поведения национально-этнических сообществ» [Асланова 2015: 74], выявление которых позволяет увидеть обусловленность выбора языковых средств социальным статусом адресанта и адресата, ситуацией общения, но также и решаемыми прагматическими задачами.

Одним из ярких показателей последовавших в 20-е годы XX в. изменений в коммуникативной парадигме российского общества является использование в повести М. Булгакова этикетных форм — в частности, форм обращений.

Как особая языковая форма, называющая и призывающая адресата к чему-либо, обращение может быть выражено «собственными именами людей во всех формах, прозвищами, кличками, названиями социальных признаков и ролей и т.д.» [Формановская 2002: 24].

Апеллятивные формы всегда привлекали внимание исследователей в связи с их способностью выполнять не только вокативную функцию, но также этикетную, экспрессивную и др. Так, В.Д. Черняк отмечает, что и в современной ситуации, как когда-то после революции 1917 года, наблюдаются попытки «выработать новые официальные обращения» — такие, как, например, «россияне», «сограждане», воспринимаемые, однако, как чуждые русской традиции» [Черняк 2013: 223].

В показанное писателем время происходит смена принятой ранее системы обращений, учитывавшей, безусловно, возрастные и гендерные особенности коммуникантов, но также и социально-статусные градации. Если в XVIII—XIX вв. в российском обществе господствовал дворянский этикет [Бирюлина 2009: 45] и были приняты такие обращения, как *господин*, *государь*, *сударь* и т.д., то после революции «новые социально-экономические культурные отношения разрушили старую систему речевого этикета жанра обращения» [Трофименко, Волгин 1991: 58], появляются новые обращения *товарищ*, *гражданин*, первое из которых становится широко употребительным [Руделев 1992: 27]. Это свидетельствует о динамике норм речевого этикета и об их зависимости от социально-политических условий.

Однако было бы недостаточным указать только на знание М. Булгаковым намечившихся изменений в номенклатуре средств установления контакта между коммуникантами. Особенности представленных в повести «Собачье сердце» и происходивших за ее пределами — в исторической реальности — событий послереволюционного времени заставляют обратить внимание на прагматические функции использованных в тексте обращений. Введение в систему обращений новой формы — *товарищ* — и облечение идеологическим флером прежде просто вежливых этикетных обращений (*господин* и др.) сделало формы адресации одним из ярких дискурсивных средств, выполняющих регулятивную функцию.

Обращения, в роли которых для называния лица-адресатов, могут выступать существительные, местоимения, субстантивированные прилагательные или эквивалентные им словосочетания [Ахманова 2010: 266], служат для установления и поддержания контакта между собеседниками и в то же время отражают «определенную речевую интенцию говорящего по отношению к адресату в ситуации непосредственного общения» [Ибрагим 2004: 33]. С их помощью реализуются вокативные, вокативно-экспрессивные и экспрессивные регулятивные тактики [Нестерова 2001].

Необходимые при осуществлении коммуникации «правила обхождения людей друг с другом, воплощенные в речи» [Формановская 2002: 5] предполагают знание форм обращений, соответствующих нормам литературного языка [Крысин 2002: 82]. С другой стороны, нужно уметь ими пользоваться: умение сохранять отношения между коммуникантами позволяет рассматривать человека «как члена социально обусловленной системы общения» [Ларина 2003: 17].

Кроме того, обращение к собеседнику — это «самый яркий и самый употребительный этикетный знак, потому что мы действительно так или иначе называем человека — либо по его социальной роли, либо по индивидуальным признакам, либо по своему собственному отношению к нему» [Формановская 1982: 99]. В процесс адресации обращение говорящего отражает не только степень его владения литературным языком, но также его представление о теме разговора и ситуации в целом, об адресате (слушателе) и даже об обществе в целом. Вместе с тем реакция слушателя на адресацию отражает степень его согласия/несогласия с таким восприятием себя адресантом. Как пишет А.Д. Васильев, в обращении выражается оппозиция «свой»/«чужой» [Васильев 2009: 9]. Последнее замечание о возможной реакции адресата на обращение — в виде согласия или несогласия на его использование в отношении себя — представляется нам в свете конфликта между главными героями повести особенно важным.

В повести, воспринимаемой как пародия на попытки большевиков создать «„нового человека“, призванного построить коммунистическое общество» [Антипина 2006: 17], глубинный конфликт между работающим и работающим интеллигентом Преображенским и не работающими пролетариями, т.е. не оправдывающими своей пролетарской сути — Швондером, Шариковым и др., во многом вербализуется через использование тех или иных форм обращения. Обращение обретает статус лингвокультуры — слова, имеющего не только языковое значение, но и содержащего в себе «внеязыковой культурный смысл» [Воробьев 2006: 45].

Этим и объясняется наше к ним внимание.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАБЛЮДЕНИЙ

Обращения, используемые в повести, образуют две значимые группы. **Первую группу** можно условно обозначить как совокупность обращений, используемых в доме профессора Преображенского членами его «семьи» — окружение одинокого доктора составляют две женщины, работающие по дому, молодой коллега Борменталь, швейцар Федор, спасающий его в трудных ситуациях, особенно в связи с появлением в доме Шарикова. Обращения, фигурирующие в их речи, традиционны для русской культуры: это, во-первых, адресация всех к профессору по имени и отчеству как к старшему, хозяину дома, уважаемому человеку и, наконец, предельно корректному в общении с другими. (Зина:) *Где же вы такого [пса] взяли, Филипп Филиппович?* (Доктор Борменталь:) *Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого нервного пса?* (Федор:) *Здравия желаю, Филипп Филиппович.* Даже Шариков, постепенно осваивающий новый для него (точнее, для Клима Чугункина, его «предшественника по гипофизу») этикет, заменяет недопустимое в качестве обращения к профессору просторечно-фамильярное «папаша» на имя и отчество: — *Да что ж дело! Дело простое. Документ, Филипп Филиппович, мне надо.*

Профессор, в свою очередь, обращается по имени и отчеству к поварихе Дарье Петровне и молодому коллеге Ивану Арнольдовичу, соблюдая тем самым вежли-

вую доброжелательную дистанцию. Как нам представляется, немаловажным фактором в выборе обращений по имени и отчеству является его стремление не дать человеку почувствовать в чем-либо собственного превосходства: в обращении с доктором Борменталем — его сравнительной неопытности, в обращении с прислугой — статусно-социального и культурного неравенства.

По имени профессор адресуется к двоим — к молодой девушке Зине, выполняющей обязанности горничной и медсестры, в отношении которой он, обращаясь «на ты», использует по-отечески и уменьшительно-ласкательную форму имени *Зинуша* (*Шея Филиппа Филипповича налилась красным цветом. — Спокойно, Зинуша, — молвил он, простирая к ней руку, — не волнуйся*), и к швейцару Фёдору, с которым профессора связывает давнее знакомство и общая забота о доме. Профессор выше Федора по социальной лестнице и, вероятно, старше; в его устах такое обращение является корректным и уважительным.

Формы обращения в речи всех этих людей, являющихся друг другу — на фоне появившихся в их жизни Шарикова и Швондера — «своими», соответствуют существующим этикетным нормам и приемлемы для обеих сторон: адресата и адресанта.

К профессору Преображенскому и доктору Борменталу обращаются в повести и с помощью принятых в сфере медицины форм «доктор» и «профессор», а также словосочетания «доктор + фамилия».

Нельзя не отметить здесь и обращения, используемые профессором не столько для поддержания контакта, сколько в качестве экспрессивов — «актов выражения психологических состояний, испытываемых чувств, отношений» [Савельева 1991: 101]. Сочувствия, жалости исполнено обращение, используемое им в разговоре с барышней, приведенной в дом Шариковым: — *Мне вас искренне жаль, но нельзя же так с первым встречным только из-за служебного положения... Детка, ведь это безобразие*. С позиции умудренного жизнью учителя профессор дает совет и наставление молодому коллеге: — *Нет, я не позволю вам этого, милый мальчик. Мне 60 лет, я вам могу давать советы. На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено*. Здесь проявляется и интенция извинения профессора за категоричность (*я не позволю*), и благодарность за беспокойство о нем, и озабоченность, и ласка.

Более частым и универсальным из эмоционально-окрашенных обращений является в речи Преображенского форма *голубчик*, характеризующаяся как ‘разговорное, ласкательное обращение к близкому знакомому’ [Балакай 2001: 106]. Она используется им как в общении с пациентами (— *Ба-ба, да вас узнать нельзя, голубчик*) — независимо от их социального положения и статуса, так и в разговоре с Борменталем. При этом обращение выражает разные интенции: обеспокоенность (— *У вас боли, голубчик, возобновились? — спросил осунувшийся Филипп Филиппович*), сожаление и просьбу о снисхождении:

— *Ну, извините, извините, голубчик!* — забормотал Филипп Филиппович. <...> *Голубчик, не сердитесь, меня он так задергал...* и т.д.

Ко **второй группе** мы отнесли случаи, когда используемое обращение свидетельствует о незнании правил этикета и/или их ошибочной трактовке, о наруше-

нии правил общения, об изменении в системе обращений, вызванном экстралингвистическими факторами.

Так, вежливое обращение, сочетающееся с формой «вы» и выражающее уважение к незнакомцу [Балакай 2001: 119], считавшееся ранее обычным, использованное профессором в сцене появления в его квартире членов домоуправления, вызывает неожиданную реакцию адресата: — *В таком случае вы можете оставаться в кепке, а вас, милостивый государь, попрошу снять вашу головной убор*, — *внушительно сказал Филипп Филиппович*. — **Я вам не милостивый государь!** Адресат, не привыкший к подобному обращению, воспринял его почти как оскорбление и поспешил отмежеваться от таких, как профессор Преображенский и другие, среди которых принято обращаться подобным образом.

Показателен и второй мини-диалог: — *Вы, господа, напрасно ходите без капош в такую погоду*, — *перебил его наставительно Филипп Филиппович*. <...> — *Во-первых, мы не господа*, — *молвил, наконец, самый юный из четверых, персикового вида* [Вяземская]. Между первой и второй репликами автором отмечена значительная пауза, связанная как с сутью самого замечания о персидских коврах, так и с прозвучавшей формой обращения. Между говорящими пролегла граница непонимания: профессор использовал слово *господа* как вежливое обращение к нескольким лицам (к мужчинам или мужчинам и женщинам вместе) [МАС.1: 607] — так он шутливо обращается и к собаке, приглашая ее в квартиру (— *Пожалуйста, господин Шарик*, — *иронически пригласил господин*); адресатом же обращение воспринято как причисление его к представителям чуждого ему класса, к «недобитым буржуям» (вспомним в речи Шарикова: *Господа уже все в Париже!*). После Октябрьской революции словом *господа* именовались «чужие — явные либо скрытые внутренние и внешние враги новой власти» [Васильев 2008: 88]. Это, с одной стороны, отражает степень владения говорящими речевым этикетом а с другой — свидетельствует об уже сформировавшемся отношении к человеку, живущему в семи комнатах. Этот пример подпадает под выделяемые Т.В. Нестеровой случаи каузации у адресата ответного эмоционального ряда в качестве реакции на использованное обращение [Нестерова 2001: 19], хотя профессор Преображенский вряд ли имел намерение оскорбить визитеров.

Не считая Шарикова равным и не испытывая к нему особого расположения, воспитанный профессор Преображенский, а вместе с ним и доктор Борменталь допускали, тем не менее, обращение к нему по фамилии, что в целом, на фоне прочих обращений, можно характеризовать как случай исключительный. От обращения к Шарикову по имени-отчеству пришлось отказаться, отчасти — в силу недопустимости, по мнению профессора, имени Полиграф Полиграфович вообще, однако в большей степени по причине значительной дистанцированности героя — не столько социальной, сколько культурной. Шариков не может вызывать уважения своими манерами, речью и всем своим поведением, что исключает возможность адресации к нему также и с использованием формы *господин*. К тому же у собеседников есть опыт обращения к Шарикову как собаке, что делает сомнительной возможность скорого перехода от «Шарик, фить-фить!» к форме «господин Шариков». Однако, услышав от Шарикова недопустимое обращение к Бормен-

талю по фамилии, профессор смягчает свою позицию: *Если вам угодно, чтобы вас перестали именовать фамильярно «Шариков», и я и доктор Борменталь будем называть вас «господин Шариков». — Я не господин, господа все в Париже! — отлаял Шариков. — Не будет никого, кроме господ, в моей квартире.*

Для Шарикова, постигающего основы этикета и получающего от Швондера представление о социальной расстановке сил, более подходящей представляется форма *товарищ*: — *А если бы я у вас помер под ножом? Вы что на это выразите, товарищ?* — Филипп Филиппович! — раздраженно воскликнул Филипп Филиппович, — **я вам не товарищ!** Это чудовищно! Шариков считает логичным использование обращения *товарищ*, поскольку он причисляет себя, хотя и без всяких на то оснований, к «трудовому элементу», к пролетариям.

Слово *товарищ*, появившееся в речевом обиходе после Октябрьской революции, получило в русской культуре в качестве обращения особый смысл. Д.С. Лихачев отмечает, во-первых, что мужчины и женщины в этом обращении не различались и тем самым упразднялись гендерные различия. Во-вторых, все люди становились при этом «если не товарищами в подлинном смысле этого слова, то, во всяком случае, равными» [Лихачев 1989]. Через эту форму устанавливалось равенство говорящего и адресата, становился неважным социальный статус адресата.

Обращения *господин*, *сударь* и *сударыня*, *милостивый государь* и др. стали восприниматься после революции как унижающие человеческое достоинство и характерные для речи «бывших» — представителей классов, порицаемых за свое непролетарское происхождение и считающихся идеологическими противниками.

Слово *товарищ* в «Толковом словаре языка Совдепии» толкуется следующим образом: 1. Гражданин в советском обществе: *Вчера приезжал товарищ из района. // При обращении: Товарищ, как пройти к штабу?* (Фадеев). // При фамилии, звании, должности: *Товарищ Новиков! Товарищ судья!* 2. Пренебр. Большевик или сторонник большевиков: *Враги революции и их сторонники называли большевиков товарищами* [ТСЯС: 602—603]. Слово *товарищ* имеет политическую окраску, демонстрирует солидарность и взаимное доверие идеологических единомышленников среди коммунистов, социалистов, социал-демократов и т.п. [Нгуен Ву Хыонг Ти 2010: 62].

Профессор же отказывается от обращения «товарищ», пресекая попытку уравнивать его с такими, как Шариков — «дикарь», «стоящий на самой низшей ступени развития», «слабое в умственном отношении существо» и т.д. Они не могут быть людьми, «участвующими с кем-л. в одном деле, промысле и т.п.» [МАС.4: 350]. Он не является ни сторонником нововведений, ни сочувствующим. Отметим, что неприятие профессором произнесенного в его адрес обращения выражается практически в тех же словах, что были произнесены его «оппонентами»: «Я вам не ...!».

В повести особенно показательно использование обращений представителями новой власти. Уже при первой встрече, представив недоумевающему профессору себя и своих коллег исключительно по фамилии (— *Я Швондер, она — Вяземская,*

он — товарищ Пеструхин и Жаровкин), Швондер попытался обратиться и к нему с помощью формы *товарищ*: — Во-первых, — перебил его Филипп Филиппович, — вы мужчина или женщина? Четверо вновь смолкли и открыли рты. На этот раз опомнился первый тот, с копной. — Какая разница, **товарищ**? — спросил он горделиво.

М. Булгаков не случайно сопровождает речь Швондера выразительной ремаркой «горделиво», оттеняющей его эмоциональное состояние и ощущение собственной правоты и значимости. Профессор, не откликнувшись на это обращение соответствующим поведением — добровольным согласием на уплотнение, да еще посетовав на плохие перспективы калабуховского дома, вызвал ненависть Швондера, но и заставил его выбрать иные формы обращения к профессору.

Решая проблему получения Шариковым документов, т.е. в ситуации администрирования, Швондер демонстративно обращается к профессору с использованием формы *гражданин*: — Что же, — заговорил Швондер, — дело несложное. Пишите удостоверение, **гражданин профессор**. Швондер и к Шарикову обращается так же, подчеркивая его гражданские обязанности: — Вы, **гражданин Шариков**, говорите в высшей степени неосознанно. На воинский учет необходимо взяться. Слово *гражданин* в данном предложении придает более убедительное звучание излагаемой информации.

Если в XIX в. концепт «Гражданин» входит «в разряд основных морально-этических и общественно-значимых категорий гражданской культуры» [Завьялова 2001: 137], то после Октября 1917 года слово утрачивает свое высокое звучание, а обращение «Гражданин!» стало широко распространяться в качестве официального обращения. Так что в обоих случаях, прибегая в формах *товарищ* и *гражданин*, Швондер не столько демонстрирует свою воспитанность, сколько принципиально иную стилистику и мотивированность выбора обращения своим происхождением, идейной платформой и т.п. Этим выбором он выражает и свое эмоциональное состояние, поскольку, по мнению О.Г. Мельник, «примеры эмоционального дейксиса демонстрируют то, как степень эмоциональной вовлеченности языковых единиц может менять прагматическое значение высказывания» [Мельник 2017].

Нельзя также не отметить изменения в использовании оснований для выбора обращения Шариком-Шариковым. Если, будучи уличным псом, он оценивал человека по одной шкале (*Дверь через улицу в ярко освещенном магазине хлопнула и из нее показался гражданин. Именно гражданин, а не товарищ, и даже — вернее всего, — господин. Ближе — яснее — господин. <...> О, глаза значительная вещь. Вроде барометра. Все видно: у кого великая сушь в душе, кто ни за что, ни про что может ткнуть носком сапога в ребра*), то, безбедно проживая человеком в квартире Преображенского, он оценивает разницу между пролетариатом и интеллигентом совсем по иным критериям: *Какие уж мы вам товарищи! Где уж. Мы в университетах не обучались, в квартирах по 15 комнат с ванными не жили.*

Использование обращений профессором Преображенским и Шариковым не оставляет сомнений в том, на чьей стороне «гражданин Шариков».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, используемые говорящими обращения в условиях идейно-политического, классового противостояния приобретают особые прагматические функции. Они способны не только характеризовать уровень культурного и интеллектуального развития, регулирующий выбор форм обращений с учетом критериев возраста, пола, ситуации, психоэмоционального фона адресата и т.п., владение стилистическими регистрами речи, но также указать место, занимаемое говорящим в системе социально-политической ориентации, выразить отношение к идейному оппоненту, они становятся одним из инструментов воздействия.

Динамика форм обращения в речи Шарикова на пути от собаки до сотрудника очистки помогает реализации авторской идеи ошибочности попыток очеловечивания животных — без учета факторов среды, социального статуса, уровня развития, привычек и проч., которые становятся препятствием при поиске общего языка в процессе коммуникации.

Обращения, часто намеренные, особенно те, которые проводят водораздел между представителями двух сословий — пролетарского и интеллигентского, использованы в повести преимущественно в регулятивной функции. Они являются у М. Булгакова одним из ярких средств, позволяющих очертить границы круга «своих» людей — как для профессора Преображенского, так и для Швондера. Принятие определенной формы адресации и адекватная ответная реакция на нее — своего рода лакмусовая бумажка, проверяющая лояльность по отношению к новой власти или приверженность старым устоям. Нельзя, однако, не признать, разную степень «намеренности» и демонстративности в использовании обращений Швондером и Шариковым и, с другой стороны, Преображенским, для которого традиционные формы обращений являются во многом знаком устойчивого миропорядка, проявления воспитанности и уважения к собеседнику.

© Чжан Ди

Дата поступления: 10.12.2017

Дата приема в печать: 20.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Альшеева Ю.С.* Речевой портрет В.В. Путина // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 171—174.
2. *Антипина С.Ф.* История становления и развития общественно-политических взглядов М.А. Булгакова: дис. ... канд. истор. наук. Воронеж, 2006.
3. *Асланова М.Г.* Средства создания позитивного имиджа в речи политика (на материале текста второго инаугурационного обращения Барака Обамы) // Политическая лингвистика. № 1. 2015. С. 74—82.
4. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Либроком, 2010.
5. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001.
6. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику: Учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991.
8. *Бирюлина А.И.* Эволюция русского речевого этикета (на материале художественной литературы 19—21 веков): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.

9. *Бойко С.И.* Модификации концепта нации в бинарной системе российской имитационной партийности // *Политическая концептология*. 2015. № 1. С. 41—71.
10. Булгаковская энциклопедия — электронный ресурс <http://www.bulgak.ru/encyclopaedia.html> (дата обращения: 16.01.2018).
11. *Васильев А.Д.* Игры в слова: эволюции доминирующего вокатива // *Теория политической лингвистики*. 2009. № 2. С. 9—25.
12. *Васильев А.Д.* Эволюция доминирующего вокатива как социокультурный феномен // *Вестник Красноярск. гос. пед. ун-та*. 2008. № 2. С. 87—89. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-dominiruyuschego-vokativa-kak-sotsiokulturnyy-fenomen>. Дата обращения: 16.12.2017.
13. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. М.: РУДН, 2006.
14. *Гаврилова М.В.* Лингвистический заметки о воздействии публичного слова: к столетию русской революции // *Политическая лингвистика*. 2017. № 3. С. 10—17. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-zametki-o-vozdeystvii-publichnogo-slova-k-stoletiyu-russkoy-revolutsii> Дата обращения: 16.12.2017.
15. *Даниленко О.В.* Социолингвистический анализ динамики функционирования метафорических моделей в советском и постсоветском политическом дискурсе (на материале предвыборных программ политических партий) // *Ученые записки Орловск. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 1. С. 164—169.
16. *Завьялова Е.В.* Ментальный сегмент нации и способы его репрезентации (на примере русского концепта гражданин): дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007.
17. *Ибрагим Б.* Типы и функции русского обращения как именованная адресата в разных видах словесности: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. Режим доступа: <http://www.dissertat.com/conternt/typy-i-funktsii-russkogo-obrashcheniya-kak-imenovaniya-adresata-v-raznykh-vidakh-slovesnosti>. Дата обращения: 08.12.2017.
18. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
19. *Кормилицына М.А.* О некоторых активных процессах в языке современной публицистики // *Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной научной конференции*. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 88—96.
20. *Кративкина О.А.* Опыт анализа дискурсивных практик как форм социального взаимодействия (на материале судебных телешоу) // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2017. № 46. С. 21—30. DOI: 10.17223/19986645/46/2.
21. *Крысин Л.П.* Современная литературная норма и ее кодификация // *Русский язык в школе*. 2001. № 1. С. 82—89.
22. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: РУДН, 2003.
23. *Лихачев Д.С.* Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Ленинград: Советский писатель, 1989.
24. *Мельник О.Г.* Роль дейксиса в интерпретации художественного произведения // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2017. № 46. С. 31—42. DOI: 10.17223/19986645/46/3. Режим доступа: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1486. Дата обращения: 16.01.2018.
25. *Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой*. Минск: БГУ, 2000.
26. *Нгуен Ву Хыонг Ти.* О динамике использования обращения в русском языке // *Вестник Российского университета службы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2010. № 1. С. 61—63. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dinamike-ispolzovaniya-brascheniya-v-russkom-yazyke>. Дата обращения: 20.12.2017.
27. *Нестерова Т.В.* Прагматика обращений-антропонимов // *Русский язык за рубежом*. 2001. № 4. С. 14—20.

28. *Паришина О.Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.
29. *Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б.* О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижневартговского государственного университета. 2013. № 1. С. 14—20. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения: 20.12.2016).
30. *Руделев В.Г.* Русский язык. Учение о предложении. Тамбов, 1992.
31. *Савельева Е.П.* Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1991. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/nominatsii-rechevyh-intentsiy-v-russkom-yazyke-i-ih-semantiko-pragmaticheskoe-istolkovanie> Дата обращения: 19.12.2017.
32. *Савина Е.А.* Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова: «Собачье Сердце»: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
33. *Селиверстова Е.И.* Образ партии и ее конкурента: некоторые особенности предвыборного текста // Язык как система и деятельность—3. Матер. Междунар. научн. конф. Ростов н/Дону, 2012. С. 153—155.
34. Толковый словарь русского языка (ТСРЯ) / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Альт-Принт, 2005.
35. Толковый словарь языка Совдепии (ТСЯС) / под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Харьков: Фолио-Пресс, 1998.
36. *Трофименко В., Волгин А.* Поговорим об этикете. М.: Московская правда, 1991.
37. *Тубалова И.В.* Концепт «великая отечественная война» в личностноориентированных дискурсивных практиках обыденного человека // Русин. 2015. № 2. С. 241—258.
38. *Формановская Н.И.* Вы сказали: «Здравствуй!» (Речевой этикет в нашем общении). М.: Знание, 1982.
39. *Формановская Н.И.* Культура общения и речевой этикет. М.: Икар, 2002.
40. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М.: Высшая школа, 2000.
41. *Царьков П.Б.* Политическая лингвистика в теории и практике формирования партийного дискурса (на примере партии «Единая Россия») // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. Тверь: Тверская гос. сельскохозяй. академия, 2009. Т. 1. № 16. С. 77—82.
41. *Черняк В.Д.* Риторика: учебник для бакалавров / В.А. Ефремов [и др.]: под общ. ред. В.Д. Черняк. М.: Издательство «Юрайт», 2013.
42. *Шапочкин Д.В.* Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. Тюмень: Изд-во Тюменск. гос. ун-та, 2012.
44. *Якоба И.А.* Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3. С. 122—134.

УДК: 81'42:821.161.1'-3:316.48

DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237

FORMS OF ADDRESS AS A MEAN OF EXPRESSING SOCIAL CONFLICT IN THE MIKHAIL BULGAKOV'S "HEART OF A DOG"

Zhang Di

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, Russian, 199034

Abstract. In the speech of characters artistic work, reflecting significant extra-linguistic events reflected historical time and space. Difficult period in post-revolutionary Russia is marked not only by economic problems but also language, one of which is associated with the development of a new system

of appeals. The ability of a person to use cases in the implementation of the communications is evidence of its formation as a full-fledged member of society. In “Heart of a Dog” M. Bulgakov, which tells of the formation of a new man, discursive justifiability of various addressing forms are obvious: on one hand, they are an indicator of social stratification, and on the another — to show the socio-ideological confrontation of the Transfiguration and Shvonder.

The article discusses the address in the speech of the main characters of the novel, noted the high relevance of pragmatic and discursive weight, which accentuates shown by the author social conflict between the new government and its environment — such as Sharikov and other “proudly” using a form of *comrade* in its new senses (‘equal’, ‘associate’), and the adherents of the old values — culture, respect to each other, correct and smooth treatment of people and appeals to them. Special attention is paid to the use of forms of dealing with words *comrade*, *citizen*, *sir*, *mister*, and the reaction of recipients to these forms of address, evidence of mutual rejection of rules of etiquette that are characteristic of the representatives of the proletariat and the intelligentsia.

In conditions of ideological and political confrontation, appeals are able not only to characterize the level of cultural and intellectual development regulating the choice of forms of appeals, taking into account different criteria, but also to indicate the place occupied by the speaker in the socio-political orientation system, to express an attitude toward the ideological opponent, they become one of the instruments of influence.

Keywords: socio-political discourse, M. Bulgakov, “Heart of a Dog”, addressing form, social conflict, sir, comrade

REFERENCES

1. Alysheva, Yu.S. (2012). Speech portrait of V.V. Putin. *Bulletin of Volgograd. state. un-ta. Ser. 2. Linguistics*, 2(16), 171—174. (in Russ).
2. Antipina, S.F. (2006). History of the formation and development of socio-political views M.A. Bulgakov [dissertation]. Voronezh. (in Russ).
3. Aslanova, M.G. (2015). Means of creating a positive image in the speech of the politician (based on the text of the second inaugural address by Barack Obama). *Political linguistics*, 1, 74—82. (in Russ)
4. Ahmanova, O.S. (2010). Dictionary of linguistic terms. Moscow: Librokom. (in Russ).
5. Balakay, A.G. (2001). Dictionary of Russian speech etiquette. Moscow: AST-PRESS. (in Russ).
6. Baranov, A.N. (2003). Introduction to Applied Linguistics. Moscow: Editorial URSS. (in Russ).
7. Baranov, A.N. (1991) Parliamentary Debate: Traditions and Innovations. Moscow: Knowledge. (in Russ).
8. Bir’ulina, A.I. (2009). Evolution of Russian speech etiquette (based on the literature 19—21 centuries) [dissertation] Tambov. (in Russ).
9. Boyko, S.I. (2015). Modifications of the concept of the nation in the binary system of the Russian imitative party membership. *Political conceptology*, 1, 41—71. (in Russ).
10. Bulgakov’s encyclopedia — an electronic resource URL: <http://www.bulgak.ru/encyclopaedia.html> (in Russ). (accessed: 16.01.2018).
11. Vasilyev, A.D. (2009). Games in words: the evolution of the dominant vacathive. *Theory of Political Linguistics*, 2, 9—25. (in Russ).
12. Vasilyev, A.D. (2008). The Evolution of the dominant Vocative as a sociocultural phenomenon. *Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical University*, 2, 87—89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-dominiruyuschego-vokativa-kak-sotsiokulturnyy-fenomen> (in Russ). (accessed: 16.12.2017).
13. Vorobiev, V.V. (2006). Linguistic and cultural studies. Moscow: RUDN. (in Russ).
14. Gavrilova, M.V. (2017). Linguistic notes on the impact of the public word: on the centenary of the Russian revolution. *Political Linguistics*, 3, 10—17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-zametki-o-vozdystvii-publichnogo-slova-k-stoletiyu-russkoy-revoljutsii> (in Russ). (accessed: 16.12.2017).

15. Danilenko, O.V. (2011). Sociolinguistic analysis of the dynamics of the functioning of metaphorical models in the Soviet and post-Soviet political discourse (on the basis of the pre-election programs of political parties). *Uchenye zapiski Orlovsk. state. un-ta. Ser. Humanities and social sciences, 1*, 164—169. (in Russ).
16. Zavyalova, E.V. (2007). Mental segment of the nation and its representation (on the example of the Russian concept of citizen) [dissertation] Tambov. (in Russ).
17. Ibragim, B. (2004). Types and functions of the Russian address as naming the addressee in different types of literature [dissertation] Moscow. URL: <http://www.dissercat.com/conternr/typy-i-funktsii-russkogo-obrashcheniya-kak-imenovaniva-adresata-v-raznykh-vidakh-slovesnosti> (in Russ). (accessed: 08.12.2017).
18. Karasik, V.I. (2004). Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnosis. (in Russ).
19. Kormilitsyna, M.A. (2003). On Some Active Processes in the Language of Contemporary Publicism. *Russica on the Threshold of the 21st Century: Problems and Prospects: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: Ilya RAS, pp. 88—96. (in Russ).
20. Krapivkina, O. A. (2017). Experience in the analysis of discursive practices as forms of social interaction (based on the material of judicial television shows). *Bulletin Tom. state. un-ta. Philology, 46*, 21—30. DOI: 10.17223 / 19986645/46/2.
21. Krysin, L.P. (2001). Modern literary norm and its codification. *Russian language in school, 1*, 82—89. (in Russ).
22. Larina, T.V. (2003). Category of politeness in English and Russian communicative cultures. Moscow: PFUR. (in Russ).
23. Likhachev, D.S. (1989). Notes and observations: from notebooks over the years. Leningrad: Soviet writer. (in Russ).
24. Melnik, O.G. (2017). The role of deixis in the interpretation of a work of art. *Vestn. Tom. state. un-ta. Philology, 46*, 31—42. DOI: 10.17223/19986645/46/3. Access mode: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1486. Date of circulation: 01/16/2018.
25. Ukhvanova-Shmygova, I.F. (Ed). (2000). Methodology of research of political discourse: Actual problems of the content analysis of socio-political texts. Issue 2 / Comp. and Society. Minsk: BSU. (in Russ).
26. Nguyen Vu Huong Ti. (2010). On the evolution of the circulation in the Russian language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantic Semantics, 1*, 61—63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dinamike-ispolzovaniya-brasch-eniya-v-russkom-yazyke> (in Russ). (accessed: 20.12.2017).
27. Nesterova, T.V. (2001). Pragmatics of address of anthroponyms. *Russian language abroad, 4*, 14—20. (in Russ).
28. Parshina, O.N. (2005). Strategies and tactics of speech behavior of the contemporary political elite of Russia [dissertation] Saratov. (in Russ).
29. Perelgut, NM & Sukhotskaya, E.B. (2013). On the structure of the concept of “political discourse”. *Bulletin of Nizhneartovsk State University, 1*, 14—20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskoy-diskurs> (in Russ). (accessed: 20.12.2016).
30. Rudalev, V.G. (1992). Russian language. The doctrine of the proposal. Tambov. (in Russ).
31. Saveleva, E.P. (1991). Nomination speech intentions in the Russian language and their semantic-pragmatic interpretation [dissertation] Moscow. URL: <http://cheloveknauka.com/nominatsii-rechevyh-intentsiy-v-russkom-yazyke-i-ih-semantiko-pragmaticheskoe-istolkovanie> (in Russ). (accessed: 19.12.2017).
32. Savina, E.A. (2005). Mystical motives in prose Bulgakova: “The Dog’s Heart” [dissertation] Moscow. (in Russ).
33. Seliverstova, E.I. (2012). Image of the party and its competitor: some features of the pre-election text. *Language as a system and activity — 3. Mater. Intern. scientific. Conf. Rostov n / Don*, pp. 153—155. (in Russ).

34. Ushakov, D.N. (Ed.). (2005). Explanatory dictionary of the Russian language (SRYA). Moscow: Al'ta-Print. (in Russ).
35. Mokienko, V. M. & Nikitina, T. G. (Ed.). (1998). Dictionary of the language of the Council of Deputies (TSAS). Kharkiv: Folio-Press. (in Russ).
36. Trofimenko, V. & Volgin A. (1991). Let's Talk about etiquette. Moscow: Moskovskaya Pravda. (in Russ).
37. Tubalova, I.V. (2015) The concept of the “Great Patriotic War” in personally oriented discursive practices of everyday people. *Rusin*, 2, 241—258. (in Russ).
38. Formanovskaya, N.I. (1982). You said: “Hello!” (Speech etiquette in our communication). Moscow: Knowledge. (in Russ).
39. Formanovskaya, N.I. (2002). The culture of communication and speech etiquette. Moscow: Ikar. (in Russ).
40. Helisev, V.E. (2000). Theory of literature. Moscow: High school. (in Russ).
41. Tsarkov, P.B. (2009). Political linguistics in the theory and practice of forming party discourse (on the example of the party “United Russia”). *World of Linguistics and Communication: an electronic scientific journal. Tver: Tver state. agricultural academy*, 1(16), 77—82. (in Russ).
42. Chernyak, V.D. (Ed) (2013). Rhetoric: A Textbook for Bachelors / V.A. Efremov [and others]. Moscow: Yurayt Publishing. (in Russ).
43. Shapochkin, D.V. (2012). Political Liskurs: conical aspect: monograph. Tyumen: Publishing house Tyumen. state. un-ta. (in Russ).
44. Yakob, I.A. (2015). The power of the discourse of media space in the struggle for nomination. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 3, 122—134.

Для цитирования:

Чжан Ди. Формы обращения как средство выражения социального конфликта в повести М. Булгакова «Собачье сердце» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2018. Т. 9. № 1. С. 223—237. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237.

For citation:

Zhang Di (2018). Forms of address as a mean of expressing social conflict in the Mikhail Bulgakov's “Heart of a Dog”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 223—237. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237.

Zhang Di, 2018. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9 (1), 223—237. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-223-237.

Сведение об авторе:

Чжан Ди, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета; научные интересы: лингвокультурология, семантика; e-mail: wozai zhe.000@163.com

Bio note:

Zhang Di, PhD student in Saint Petersburg State University; Interests: linguoculture, paremiology, semantics; e-mail: wozai zhe.000@163.com